НАТАЛЬЯ КОНОПЛЕВА

Записки из больницы

Наталья Коноплева

Записки из больницы. Больница Святителя Алексия

«Издательские решения»

Коноплева Н.

Записки из больницы. Больница Святителя Алексия /
Н. Коноплева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902643-9

«Любая случайность — всего лишь часть замысла более высокого порядка». В этом писательница Наталья Коноплёва убедилась, когда из-за травмы попала в новый для нее удивительный мир Больницы Святителя Алексия и познакомилась там со многими людьми.Эта книга — мультимедийная. Это означает, что для читателей электронной версии здесь есть и видеосюжеты, и аудиозаписи. И еще эта книга — интерактивная. Когда писались её первые страницы, у нее уже были читатели, которые писали первые комментарии.

ISBN 978-5-44-902643-9

© Коноплева Н.
© Издательские решения

Содержание

С чего всё началось 6
Зинка 11
Больничная палата как маленькая модель общества 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Записки из больницы
Больница Святителя Алексия

Наталья Коноплева

© Наталья Коноплева, 2022

ISBN 978-5-4490-2643-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С чего всё началось

Любая случайность – всего лишь часть замысла более высокого порядка.
Терри Пратчетт

Это было в первые дни нового, 2015 года. В загородной поездке я поскользнулась на льду и сильно ударилась спиной.

Дня три я еще с трудом ходила, а потом уже ходить не могла. Мы вернулись в Москву, и я попыталась найти наш травмпункт. Я нашла его в Интернете, там был телефон и приписка «Круглосуточно». Телефон круглосуточно молчал.

Тогда я нашла сайт Первой Градской больницы, на территории которой находился травмпункт. Все перечисленные там телефоны тоже молчали, кроме секретаря главврача. Её я и спросила, работает ли наш травмпункт. Она ответила, что работает, и уверенно продиктовала уже известный мне телефон.

Я попыталась позвонить в поликлинику при Первой Градской больнице, но попала в неотложную помощь, и медики приехали! Они признались, что они терапевты и не могут ничего сказать, что у меня с позвоночником. Зато померили давление и сняли кардиограмму! От них я наконец узнала, что травмпункт уже три года закрыт на ремонт, а теперь и ремонт остановлен из-за отсутствия денег. Куда мне обращаться – они не знали.

Это дало мне право снова позвонить секретарю главврача и строго спросить, куда обращаться с травмой позвоночника. Та подумала и сказала, что в отделение травматологии Первой Градской. Я спросила, в каком это корпусе. Секретарь занервничала и ответила, чтобы я звонила в справочную, а ей некогда. В справочной меня строго спросили, есть ли у меня направление? – Конечно, нет, откуда? – и в справочной положили трубку.

Чтобы справиться с постоянной сильной болью, я обратилась к платному неврологу в КДЦ при Первой Градской больнице, и мне там помогли. Врач сказала мне, что когда боль немного утихнет, хорошо бы полечиться в реабилитационном центре бывшей Пятой Градской больницы, которая здесь неподалёку.

Я снова позвонила в поликлинику, и мне удалось вызвать врача-невролога на дом. Врач пришла через 10 дней. Я сказала ей о реабилитационном центре, и она пообещала дать мне направление. Потребовалось еще несколько дней, чтобы, опираясь на две палки, я добралась до поликлиники и получила направление.

Это было время длинных новогодних праздников. Только во второй половине января я наконец смогла собрать необходимые для госпитализации бумаги. Наконец меня пригласили в больницу.

И началась череда маленьких чудес и знакомство с удивительным миром. Это оказалась больница Московского Патриархата. Город ее не финансирует. Это ведомственная больница, но на свободные места принимают жителей Москвы, Подмосковья и других областей.

Здесь можно наглядно видеть, что Церковь – это самостоятельная культура. Здесь другая идеология, другие отношения. Как бы кто-то это ни критиковал… Здесь есть духовные и социальные достижения.

Я помню эту больницу, когда она была Пятой Градской. Я была студенткой и навещала в этой больнице любимую тётушку. У нее был туберкулёз. Теперь, спустя много лет, я нашла то место во дворе, где мы с ней сидели тогда на лавочке и разговаривали. И помню, о чем говорили…

Больницу передали Церкви в 1992 году. Постепенно отремонтировали, и сейчас это очень комфортные для людей здания. Оборудование, мебель – всё недорогое, но нигде ничего не сломано, не поцарапано. Лифты, сантехника, освещение – всё всегда исправно и безупречно работает.

В этой больнице лучше понимают, что нужно пациентам, а что – лишнее. Например, в палатах принципиально нет телевизоров – чтобы люди не нервничали и не ссорились из-за лишнего шума, телеканалов и сериалов. Зато у всех кроватей – удобные наушники, и каждый, не мешая никому, слушает хорошую музыку, аудиокниги, а кто хочет – проповеди священника.

Сантехника недорогая, но чистая и новая. Нет ни одного сорванного крана. В палатах нет обычных для больниц умывальников, они в туалете. Туалет – на две палаты, рядом душевая комната. Всё просторное, чтобы можно было заехать на инвалидной коляске…

Здесь другие понятия о том, что такое хорошо и что такое плохо. Воскресная медсестра в коридоре повысила голос:

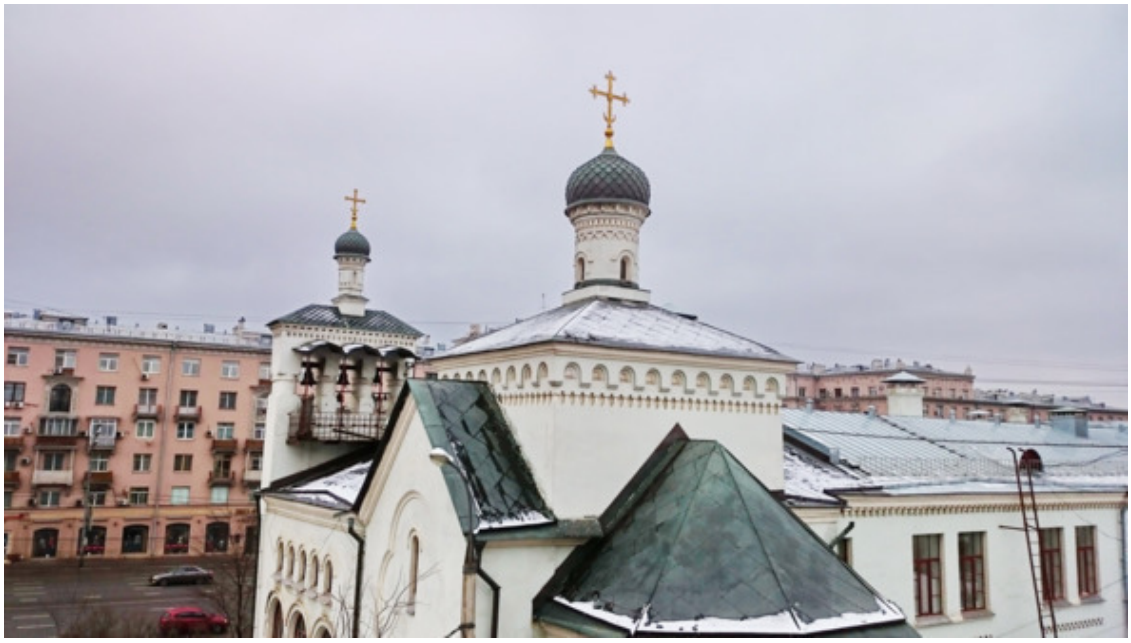
– Не могу же я на всех разорваться!

Многие выскочили в коридор посмотреть, кто же это так разговаривает. Обычная для нашей жизни сентенция здесь вызвала удивление и возмущение.

Все лица красивые, все сотрудники добрые и спокойные. Зарплаты небольшие, но люди работают много, охотно и легко.

Процедурная сестра сказала мне: – В нашей работе главное – любовь.

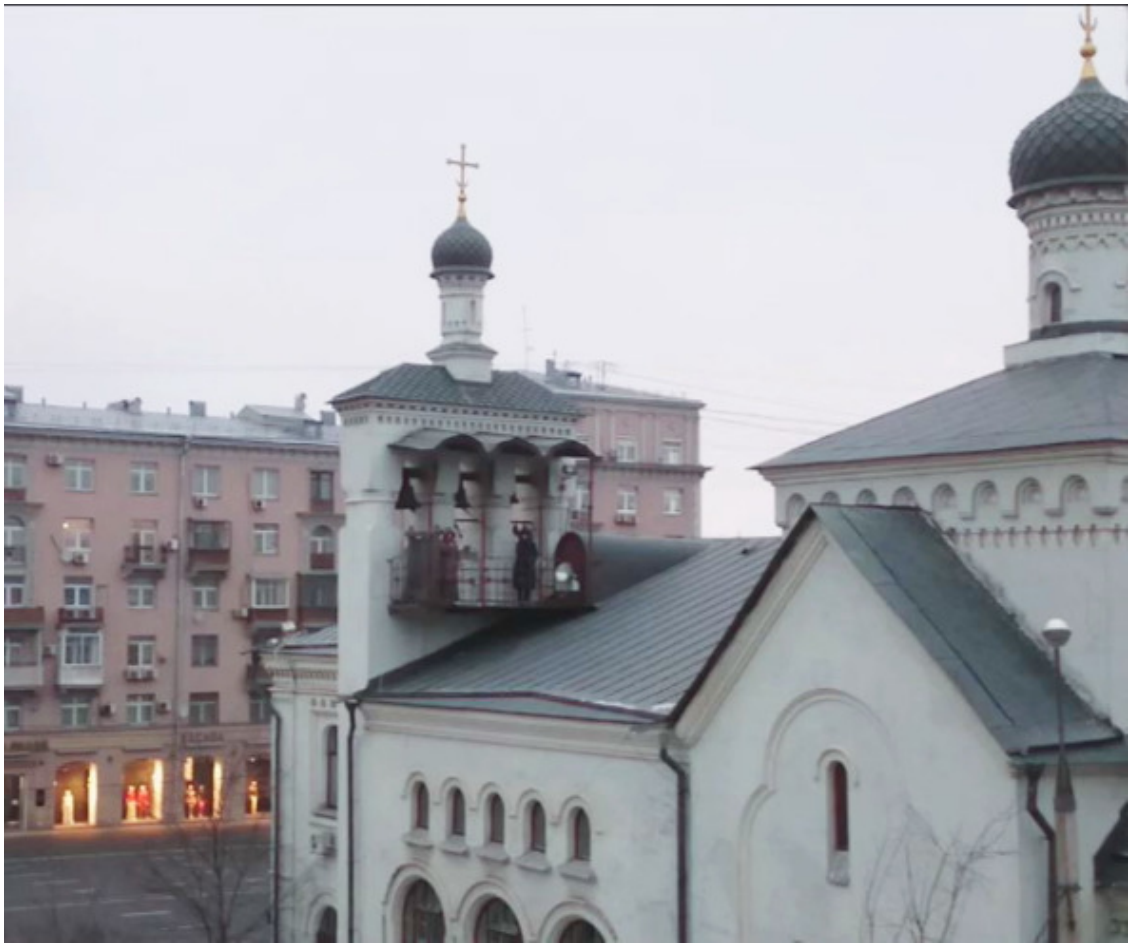
Она же позволила мне открыть окно кабинета и заснять красивую звонницу больничной церкви с такой точки, с которой мало кто видит её…

При больнице – два храма, построенные в стиле псковской церковной архитектуры (архитектор С. Соловьев). Было удивительно наблюдать из окон больничного корпуса, на одной высоте со звонницей, за работой звонарей. Мне выпала редкая возможность!

В тот день, утром на праздник Сретения, были праздничные звоны. Из окна больничного корпуса было хорошо видно, как слаженно работают два звонаря в черных рясах. Вот они закончили Благовест, подошли к краю звонницы и низко поклонились всему миру… А густой отзвук колокола еще долго висел в воздухе и не тонул в уличном шуме оживленного проспекта[1].

[1] Читатели электронной версии книги могут тут же посмотреть этот сюжет, подключившись к Интернету

Послушайте фрагмент праздничных колокольных звонов

Комментарии читателей в Интернете

У меня с собой в больнице был планшет с основными возможностями компьютера. Коротая время, я записывала свои впечатления и кое-что отправляла на свой блог в Интернет. Друзья по Интернету неожиданно активно отозвались на мои записи. Получилось так, что комментарии друзей стали частью моего повествования.

Каждый здесь выступает под своим «ником» – именем, иногда настоящим, иногда придуманным. Здесь пишут мои давние друзья по Интернету из Москвы, из разных городов России, из Белоруссии, Украины, Казахстана, Канады, Австралии, Южной Кореи…

Привожу здесь комментарии читателей, которые дополняют сказанное. Орфография сохранена.

Странник-52

Ох ты ж…

А в целом – Правильно. Кто-то за суетным доброго не видит, а кому-то и несчастье во благо служит.

EVA-OVA

Здоровья! Скорейшего восстановления сил! Спасибо, что видите свет даже в темной комнате!

Мои_365_дней

Наталья Павловна, выздоравливайте! В наше время болеть – опасно, здравоохранение становится все хуже. Слава Богу, что есть такие центры, где работают много, охотно и легко, где главное в работе – любовь.

Скорейшего Вам выздоровления! Спасибо, что продолжаете писать.

Всех вам благ!

Юрий_Косаговский

БОЛЬНИЦА – ЭТО МЕСТО ОБОДРЕНИЯ
Наташа!
желаю бодрости…
и желаю вдохновения
– искусство это лучший стимулятор
искусство – это природное волшебное средство
передавайте привет Вашей Музе!

Venda1

Ах, Наташа! Как же так?! Ничего и никому не сообщила. И столько ты натерпелась от больничных чиновников. И так долго ждала. Но все же радуюсь, что нашла и ты уютное и доброе пристанище. И надеюсь, что твоя спина пойдет на поправку. А еще надеюсь, что это время в больнице ты проведешь с пользой, и всем нам об этом расскажешь. И опять же радуюсь, что даже из трагических обстоятельств ты умеешь извлечь интерес и пользу.

Пусть все будет во Благо!

Bogsve

Спасибо за ваше сообщение, как всегда проникнутое добротой и оптимизмом. Сами с мужем преодолеваем некоторые проблемы со здоровьем… Прочла ваше сообщение и как будто получила заряд надежды и веры и лекарство от уныния…

Red_Hat

Наталья, как же приятно читать, что больница вызывает не только отрицательные, но и положительные эмоции. Просто глядя на свою поликлинику с болотно-зелеными стенами, которые окрашены были в советские времена, и хамящий персонал, становится совсем грустно. Но почитала Вас и появилась надежда, что быть может и у нас когда-нибудь будет все не так плохо.

Зинка

Травмы позвоночника и другие подобные неприятности лечат в отделении неврологии.
Я вошла в палату, поздоровалась и назвала себя.
Ну ладно, наверное, не расслышали, у меня тихий голос.

Сняла куртку и попыталась пристроить ее в шкафу у входа. На вешалке куртка не помещалась, я сложила ее и стала укладывать на полку. Тут подлетела маленькая женщина в цветастом халате и выхватила у меня куртку: – Ну куда, куда суёшь! На плечики надо! Боишься, украдут?

Вообще-то она хотела, как лучше, она хотела помочь.
Нормальная реакция – начать оправдываться и объяснять, что на вешалке моя толстая куртка не поместится… Но жизнь научила, что вступая в объяснения и оправдываясь, мы ставим себя в подчиненное положение. Я молча взяла куртку из рук дамы, положила ее на полку и стала устраиваться на отведенном месте. Я еще не знала, что в дальнейшем это поставит меня в особое положение. Вся палата молча наблюдала.

В просторной палате семь кроватей. Чисто, красиво. И главное – нет телевизора, этого принудительного поставщика бездарных текстов, пошлой эстрады и чернушных новостей со смакованием катастроф и подсчитыванием трупов.

На соседней кровати женщина помоложе меня назвалась Еленой и объяснила, где взять полотенце и где помыть руки. Остальные напряженно молчали.

Театрализованное представление началось через час. Забегая вперед, скажу, что все эти темы и тексты в дальнейшем повторялись слово в слово каждый день, и по несколько раз на дню. Немудрено мне было их запомнить. За точность передачи – ручаюсь.

Дама в цветастом по имени Зина поудобнее уселась в кровати и стала вопрошать в пространство:

– А Кобзон жив?

Со всех кроватей ей с готовностью отвечали:

– Жив, жив!

– А почему его давно не видно?

– Не видно, не видно! – вторила палата.

Следующий вопрос был: – А Гурченко жива?

– Она умерла!

– Молодая умерла?!!

– Не совсем…

Перебрав любимых знаменитостей, Зинаида стала громко и подробно пересказывать старые новости про олигархов и политиков и содержание телешоу Малахова. Ей помогала старушка с очень громким голосом. Все это было громче и постоянней телевизора…

Представление было прервано вкусным обедом, который привезли прямо в палату. У тумбочек были удобные выдвигающиеся столики. После обеда – тихий час. А потом представление продолжилось.

Солировала Зинаида. Сладким задушевным голосом она протянула:

– Ах, как хочется домой! Сколько же мне дней осталось до выписки?

Со всех кроватей ей стали помогать подсчитывать дни. При этом Зинаида не выглядела слабоумной. Чувствовалось, что она ведет какую-то игру.

– А тебе сколько дней осталось? – пристала она к громогласной старушке.

Та призналась, что не помнит, какого числа поступила. Вся палата принялась наперебой восстанавливать забытую дату и подсчитывать дни. Шума и галдежа было часа на полтора. Потом опять перерыв. Зинаида утомилась.

Новая серия – сразу после ужина. Зинаида трагическим голосом:

– Как жалко, что Сталина отравили! Нет на вас Сталина! Самый справедливый человек!

– Да, Сталин, Сталин… – вторила палата.

Зинаида рассказывала, как в послевоенные голодные годы из поселка под Брянском они послали письмо Сталину, и тот их спас, прислав в местный магазин мешок крупы, консервы и еще кое-что (она подробно все перечислила). Но потом их семья все-таки перебралась в Москву.

И без всякой логики, забыв об уязвимости своей позиции:

– Был бы жив Сталин, он сейчас всех приезжих выгнал бы из Москвы! Просторно стало бы, хорошо!

Палата нехотя поддакивала.

Слышать это по десятому разу было утомительно. Читать или слушать радионаушники невозможно из-за шума. Я тихонько переговаривалась с соседкой Еленой. А Зинаида кричала на Елену: – Ты зачем с ней разговариваешь! Не разговаривай!

Елена, солидная дама и советник юстиции, могла позволить себе не обращать внимания и продолжать разговаривать. Она даже однажды посмела не ответить на обращенный прямо к ней вопрос о какой-то эстрадной диве:

– Не знаю, меня это не интересует!

Остальные в палате не смели так отвечать. Я не в счет, я была наблюдателем этого социального эксперимента.

Около половины десятого Зинаида говорила: Пора спать! – и выключала верхний свет. Если над чьей-то кроватью оставался гореть свет, Зина подходила и ругаясь, выключала. Все лежали притихшие. Она могла и ударить.

По ночам она громко храпела. Проснувшись от своего же особо громкого всхрапа, садилась на кровати и с ненавистью говорила в темноту палаты: – Храпят, как свиньи!

Всё это повторялось слово в слово день за днем.

Образования у Зины нет, профессии – тоже. Она много лет проработала в пивной у Абельмановской заставы. И по-видимому, в ее биографии была уголовщина и лидерство в тюремной камере.

Главное в Зинаиде – желание власти. И она легко подчиняет своему самодурству моих новых соседок по палате: юриста, набожную учительницу, экономиста, товароведа… Все эти люди – с высшим образованием, и они демонстрируют свою интеллигентность, уступая во всем бедной необразованной женщине.

Наверное, это и есть модная теперь толерантность?

Между тем жалеть Зинаиду не за что. Она очень довольна собой, имеет хорошую квартиру, носит модные дымчатые очки и каждый день меняет нарядные халаты. У нее гладкое ухоженное лицо и аккуратная короткая стрижка, требующая частого профессионального ухода…

Её основной инстинкт – заставлять окружающих обслуживать себя. По пятому разу на дню она спрашивает окружающих об одном и том же. Тиранша, наверное, помнит, что уже не раз задавала этот вопрос. Ей не нужен ответ, ей только нужно, чтобы все ей подчинялись и отвечали. Через час-другой она задаст свой вопрос снова, и соседки снова будут с готовностью отвечать.

Не так ли в свое время люди не заметили, как подчинились власти Сталина? Поодиночке, из вежливости, как интеллигентные люди, уступали неотесанному недоучке в его бесовских играх, вежливо отвечали на простые вопросы, а становились навсегда рабами. Нет чтобы ополчиться всем вместе и гаркнуть: – А ну, сгинь! Получилось, что сами сгинули. По одному.

А ведь всё может повториться. Человеческая природа слаба.

Через несколько дней Зинку выписали домой, видимо, ошиблась она в своих вычислениях. А она скандалила и хотела остаться.

После всего этого людям в подопытной палате потребовалось время и немалые усилия, чтобы выбраться из состояния зомби…

Комментарии читателей в Интернете

julycaesar

Именно так. Заставлять остальных обслуживать себя. Это и в армии и в тюрьме. И если не подчинишься – будет ломать. Не сломаешься – пригласит сесть рядом и гнобить остальных. Не согласишься – затаит злобу и обязательно ужалит, когда отвернёшься.

торрио

Спасибо за исключительно интересное бытописание!

Обязательно расскажите о том, как палата выходила «из состояния зомби»!

Marina_Fe

Наташа, спасибо Вам большое! «Записки из палаты №…» интересно читать! Такие «Зины», наверное, есть в каждой больнице (отделении). Сама, когда навещала маму, видела похожий персонаж. Счастливый случай, что она лежала не в маминой палате. Жду продолжения!

зуева_татьяна

В вашей палате собрался уж очень серьёзный контингент, если эту клоуниху Зину воспринимали так серьёзно. Высмеяли бы и выставили бы её шутом. Хотя вашему сообществу, по-видимому, интуитивно хотелось какого-нибудь председателя, вот он и нашёлся.

Просто_папа

зуева_татьяна, не совсем так. Это борьба за лидерство в условиях неясных приоритетов. Это частая вещь в чисто женских коллективах.

Например, крайняя жестокость в женских тюрьмах объясняется отсутствием ориентиров альфы (для женщины положение в «стае» обычно определяется по статусу её мужчины). А тут нет мужчин, а механизм выставления приоритетов оказывается сбит; лидерство захватывается обычно с использованием насилия.

Далее в иерархии появляются «приближенные к лидеру», «работяги», «независимые» (роль которого заняла авторша поста), «изгои».

Ваша_ЕИ

Наталья Павловна, читая ваши истории, погружаешься в мир наблюдений человека, любящего людей и умеющего понять главное о них. Читаю, думаю о том, что когда-то уже так чувствовалось. На третьем рассказе определила – так было в юности, когда зачитывалась Шукшиным, Распутиным. Ухожу в чтение вашего дневника.

Больничная палата как маленькая модель общества

В утро, когда уходила домой Зинаида, в палате были теплые объятия и поцелуи, и даже слезы. Может быть, так и проявляется «Стокгольмский синдром» (так называется явление психологической привязанности жертв к своему мучителю).

А потом в палате на много часов повисло чувство опустошенности и молчание. И только к вечеру все оживились, начали говорить о Зинке, посмеиваться над ее выходками и облегченно вздыхать. Осуждали ее поведение. Говорили: – В ней было что-то бесовское!

Но никто не задумывался, почему у нее была такая власть в нашей палате.

А ведь короля играет свита!

Первые дни после ухода Зинки в палате засыпали с включенным верхним светом: некому приказать выключить.

С коллективной выручкой – тоже никак. Лежит вся палата под капельницами, у одной выскочила игла. Сигнализация – высоко на стене. Пациентка робко кричит: – Сестра, сюда!

В шумном коридоре ничего не слышно.

Я говорю: – Давайте хором! Раз-два-три! Сестра, сюда!

Никто.

Если это – маленькая модель нашего общества, то как же неуютно…

А ведь каждый по отдельности – неплохой человек.

Громогласная старуха Надежда Васильевна оказалась очень милой женщиной и интересной рассказчицей. В свои 82 года она оставалась красавицей: хорошая стройная фигура и голубые глаза на пол-лица. Ей звонил сын, он ученый в США. Звал к себе, но она отказывалась. После ухода Зинки Надежда Васильевна ни разу не заводила разговоров о телесериалах и телешоу, не обсуждала политиков, и голос у нее вовсе не был громкий. Она выписывалась через несколько дней, и некому было ее встретить. Я провожала ее до выхода к остановке троллейбуса. Мы обнялись и расцеловались. Она ушла, спокойная и уверенная в себе. Я долго смотрела вслед, желая ей сил и здоровья.

Моя соседка Елена – большая умница, успешный человек, добрый и отзывчивый. Правда, болезнь у нее сложная, и до выписки с ней не справились.

Две тихих женщины у окна восстанавливались после инсульта. Милые, интеллигентные. Держались с достоинством, никогда не жаловались.

Обстоятельная женщина из подмосковной деревни иногда раздражала всех, надолго перегораживая вход в палату, когда напяливала прямо в дверях свои высокие сапоги. Видимо, так привыкла дома. Но в остальном она была сердечная и добрая.

Почти каждый день кто-то из прежних обитателей палаты выписывался, и на его место тут же приходил другой. Наш состав почти полностью обновился. Но обстановка в палате мало изменилась. В соседних палатах весело смеялись допоздна, читали вслух, пели хором, праздновали день рождения… В нашей палате в воздухе витали напряжение, подавленность, скука.

У писателя Вересаева есть такая сценка: утром в трамвайной давке поругались две гражданки. Устроили склоку на весь трамвай. Тетки давно вышли, а в трамвае весь день ездит склока…

Моя добрая знакомая, психолог по профессии, написала про Зинаиду из пивной: «Скорее всего, это истерия». С Зинаидой – всё понятно. Я могла и не писать о Зинаиде, в ней нет ничего интересного, это стандартный типаж. Но присутствие Зинаиды высветило куда более сложные явления в замкнутом сообществе людей, каким является больничная палата. Можно назвать это маленькой моделью общества и признать в этом обществе симптомы неблагополучия. В данном случае, говоря языком математической статистики, которой мне доводилось заниматься, «статистическая выборка мала, и поэтому достоверность наблюдений невысока». Поэтому нельзя делать выводы обо всем обществе. Но тенденции прослеживаются.

На третий день в палату пришла новенькая, которая вечером, когда все задремали, молча выключила свет.

Её звали Зина…

Комментарии читателей в Интернете

После публикации этого отрывка в моём блоге несколько часов почему-то не было ни одного комментария. И вот, наконец, первый:

mr_Piwor

Оппаньки, а чё такая тишина? Это потому что про нас с вами, а не про мифическую Зинку?

Наталья Павловна, не знаю как выразить восхищение.

Простите. Не ожидал. Чудесно написали.

Jovik

Рассказы потрясающие. Про стиль, сказала, читать очень душевно и приятно. А про больничное общество и прямую параллель с нашем житьём-бытьём пришли мысли.

Я совсем не считаю, что то, как вели себя люди там, есть отражение печальных тенденций в обществе. Просто потому, что в обществе типажей гораздо больше, чем в любом, пусть даже большом, но замкнутом пространстве. И столкновение, переплетение, взаимное исключение любых человеческих реакций настолько непредсказуемо, что нет, на мой взгляд, даже смысла пытаться их спрогнозировать.

А вообще, повалявшись в больницах, я с огромным интересом вступаю в эти игрища, просто потому, что ущемление собственных интересов, пусть даже и грубое, хамское, даёт огромные возможности к внутренней работе души и мозга. Это полезно!

Venda1

Рассказ мил, особенно – концовка.

А так полностью соглашусь: «статистическая выборка мала, и достоверность наблюдений низка». И знаешь, Наташа… Мне кажется, это – совсем не те явления, о которых ты пишешь. Никакой не Стокгольмский синдром. Это все – скука и привычка занимать время чем-то пустым, хоть бы и подпеванием тетке Зинке. А может – желание отвлечься от неприятных мыслей о состоянии здоровья. А Зинка – может, просто балагур. Чужая душа – потемки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.